

Венгерские переселенцы в Российской империи

Abstract:

Ptitsyn A.N. *Hungarian immigrants in the Russian Empire.*

The author uses various sources to analyze the main phases of immigration of Hungarian population (including the representatives of ethnic minorities) to Russia in the end of 18th-beginning of 20th century, describing the most important fields of their activities (mostly economic) in Russian Empire.

Ключевые слова: Российская империя, миграция, монархия Габсбургов, Венгрия, диаспора.

Начиная с петровских времен и до Первой мировой войны в Россию прибыло множество европейских эмигрантов. Каждый пятый из них происходил из Австро-Венгерской монархии, превзойти ее по этому показателю смогла лишь Германия. В период с 1828 по 1914 гг. количество переселявшихся в Россию австро-венгерских подданных на 888 тыс. человек превысило число россиян, выезжавших на жительство в Габсбургскую империю¹. Помимо эмигрантов, тысячи жителей Австрии (затем Австро-Венгрии) ежегодно приезжали в нашу страну для торговли, на работу, на учебу, к родственникам и т.д.

Переселенческий поток, направленный в Россию, составлял часть мощного эмиграционного движения из венгерских земель, развернувшегося во второй половине XIX – начале XX вв. Подавляющее большинство покидавших Венгрию людей переезжало в США (их было 2 млн. чел.). Эмиграция из Венгрии была вызвана преимущественно социально-экономическими причинами: высокими темпами роста населения, перенаселенностью аграрных регионов, малоземельем, безработицей и т.д. Представителей венгерских национальных меньшинств к эмиграции подталкивало также существовавшее в этой стране национальное неравенство, а порой и преследования по религиозным и политическим причинам (это касалось, в первую очередь, венгерских русинов).

Из венгерской половины Габсбургской монархии в Россию переезжали как собственно венгры, так и словаки, карпатские русины, сербы, хорваты, румыны и представители других народов, при этом большую часть эмигрантов составляли представители национальных меньшинств. Российская империя предоставляла иммигрантам из перенаселенных и бедных венгерских областей широкие возможности для трудоустройства, заработка, профес-

сионального роста, создания различных предприятий, повышения своего жизненного уровня.

Процесс венгерской миграции в Российскую империю можно подразделить на два этапа. С середины XVIII в. наблюдалась миграция венгерских специалистов (преподавателей, ученых, врачей, офицеров), приглашаемых российским правительством для занятия вакантных мест в различных учреждениях. Во второй половине XIX – начале XX вв. шла уже массовая трудовая миграция из Венгрии в Россию, в которой, наряду со специалистами, приняли участие крестьяне и сельскохозяйственные рабочие, ремесленники, торговцы, предприниматели, художники, музыканты и представители других профессий.

В первую очередь следует сказать о том заметном вкладе, который венгерские педагоги внесли в развитие системы образования России. Нехватку собственных кадров российское правительство восполняло приглашением в вузы и гимназии преподавателей из числа австрийских славян, которые, как предполагалось, могли легко освоить русский язык и преподавать на нем.

Еще Петр I привлек выходца из Венгрии Яноша Зеканя в качестве воспитателя своего внука, будущего Петра II. С 1762 г. в Москве работал венгр Ференц Керестури, ставший профессором и деканом медицинского факультета Московского университета. Разработчиком образовательной реформы, проведенной правительством Екатерины II в 1780-е годы, являлся Федор Иванович Янкович де Мириево (1741–1814), серб родом из Венгрии. Этот педагог был автором «Устава народных училищ» 1786 г., первым директором петербургской учительской семинарии, членом комиссии народных училищ, автором и редактором множества учебных пособий, в том числе букваря, учебников по истории и географии. За свои заслуги он был избран членом Российской академии наук².

В 1791 г. в Россию приехал венгерский русин, врач и педагог Иван Семенович Орлай (1770–1829). Он служил хирургом при императорском дворе и в Генеральном сухопутном госпитале, являлся ученым секретарем Медико-хирургической академии. В 1821–1826 гг. И.С. Орлай был директором Нежинского лицея. Один из его учеников – Н.В. Гоголь – впоследствии высоко оценил деятельность педагога. В последние годы жизни И.С. Орлай являлся директором Ришельевского лицея в Одессе.

В 1803 г. по предложению И.С. Орлая на русскую службу был привлечен ряд преподавателей и ученых венгерского происхождения. Так, профессорами педагогического института в Петербурге стали карпатские русины Михаил Андреевич Балугьянский (политэкономия и право), Петр Дмитрие-

вич Лодий (философия) и Василий Григорьевич Кукольник (физика). Последний известен также как отец известного писателя Нестора Кукольника³.

Яркая карьера ожидала в России бывшего профессора Пештского университета М.А. Балугьянского (Балудьянского) (1769–1847). Он являлся учителем юриспруденции великих князей Николая Павловича (будущего императора) и Михаила Павловича, а в 1819 г. стал первым ректором Петербургского университета (занимал этот пост три года). С 1826 г. и до своей смерти М.А. Балугьянский был начальником Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и под руководством М.М. Сперанского занимался кодификацией российского законодательства, стал тайным советником, статс-секретарем и сенатором. За заслуги М.А. Балугьянского в деле составления 15-ти томного свода законов империи Николай I повелел изобразить цифру «XV» в дарованном ему дворянском гербе⁴.

Преподаватели из Венгрии в начале XIX в. были приглашены также в Харьковский университет. Венгр Дьердь Коритарани занял должность профессора медицины. Серб из венгерского Срема Афанасий Стойкович стал первым профессором физики в Харьковском университете, первым деканом физико-математического факультета и дважды занимал должность ректора (в 1807–1809 и 1811–1813 гг.). В 1829–1830 гг. ректором Харьковского университета являлся другой венгерский серб, философ Андрей Дудорович, приглашенный в Россию в 1811 г. в качестве учителя гимназии, а затем перешедший в университет⁵.

В 1823 г. из Венгрии в Россию переселился выходец из русинско-румунской семьи, жившей в Закарпатье, Юрий Иванович Венелин (его настоящая фамилия Хуца), ставший впоследствии крупным историком, одним из основателей отечественной славистики. В Одесском университете в 1860–1870-е годы работали известные хорватские ученые – юрист Валтасар Богишич и лингвист Ватрослав Ягич. Последний в 1880–1886 гг. являлся профессором Петербургского университета, а в 1881 г. стал членом Российской академии наук⁶.

С середины 1860-х годов российское министерство просвещения стало активно приглашать из Австро-Венгрии учителей древних языков. Острая потребность в них возникла в связи с проводимой в то время реформой, направленной на усиление классического направления в гимназическом образовании. Молодые специалисты из Австро-Венгрии охотно ехали в Российскую империю, где учительский труд оплачивался высоко и пользовался уважением в обществе. Выходцы из Венгрии работали в гимназиях многих российских городов. Среди них были словаки – Эмилий Черный (Москва), Август Шандоры (Харьков), Игнат Станко (Тифлис, затем Уфа), Людовит Мичатек (Новгород), Густав Штур (Варшава, он был племянником знамени-

того словацкого общественного деятеля Людовита Штура), Юлиан Стовик (Воронеж, затем Харьков), Эрнест Полони, русины – Андрей Дешко, Виктор Кимак (Москва, затем Одесса), Юрий Ходобай (Москва), хорват Адольф Якшич (Ставрополь) и др.⁷

В 1876 г. в Россию из-за политических преследований перебрался венгерский адвокат и бывший депутат парламента, русин Эммануил Грабарь. Его сын, знаменитый художник и искусствовед Игорь Грабарь, отмечал в своих воспоминаниях, что «отец, пользуясь знанием иностранных языков, предпочел карьере судебной службу педагогическую и, выдержав экзамен на преподавателя немецкого и французского языков при Московском учебном округе, поехал учителем в городок Егорьевск Рязанской губернии»⁸.

Помимо педагогов, на русскую службу приглашались венгерские врачи. Придворным медиком Елизаветы Петровны, а затем Екатерины II являлся Павел Дёндёши. С 1755 г. в Петербурге работал Христиан Пекен, он был членом медицинской коллегии и автором первых российских лечебника и фармакопеи. Последователь учения Л.Н. Толстого словак Душан Маковицкий с 1904 г. работал врачом в Ясной Поляне, одновременно он являлся секретарем великого писателя. Д. Маковицкий вел подробный дневник под названием «Яснополянские записки», который впоследствии был опубликован и высоко оценен литературоведами.

В XVIII столетии в российскую армию охотно вербовали иноземных офицеров, в том числе уроженцев Венгрии. Один из них, секунд-майор венгр Павел Семенович Эрдели, в 1755 г. получил российское дворянство и поместье в Херсонской губернии. П.С. Эрдели стал основателем известного русского дворянского рода, среди его потомков – множество офицеров, два губернатора и генерал И.Г. Эрдели – один из руководителей Белого движения на юге России. В 1798 г. штаб-ротмистром лейб-гвардии гусарского полка стал Георгий Арсеньевич Эммануэль (Эммануэль) (1775–1837), происходивший из черногорского рода, переселившегося в Венгрию. Он стал одним из героев Отечественной войны 1812 г. (начал полковником, а закончил генерал-лейтенантом), а позднее проявил себя в качестве командующего войсками Кавказской линии и губернатора Кавказской области.

Среди венгерских эмигрантов были представлены и деятели искусства. Самым известным из венгерских художников, работавших в России, был Михай Зичи (1827–1906). В 1847 г. он приехал в Петербург в качестве учителя рисования дочери Николая I Екатерины, а в 1859 г. был назначен придворным живописцем. Его картины и рисунки запечатлели жизнь русского императорского двора на протяжении десятилетий. Пользовались известностью также портреты, выполненные венгерским художником, и его эротические рисунки. Но подлинную славу М. Зичи приобрел в качестве автора ил-

люстраций к литературным произведениям, до сих пор он считается лучшим иллюстратором произведений М.Ю. Лермонтова.

Среди венгерских музыкантов, работавших в России, выделялся скрипач, дирижер, композитор и педагог Леопольд Ауэр (1845–1930). Он происходил из семьи венгерских евреев, но принял христианство, что существенно облегчило ему карьеру в России. Л. Ауэр с юных лет прославился как музыкант-виртуоз. В 1868 г. он был приглашен на должность профессора Петербургской консерватории, затем стал солистом-скрипачом Императорских театров. Л. Ауэр являлся также дирижером симфонических концертов Русского музыкального общества и придворной певческой капеллы, солистом оркестра Мариинского театра. Он воспитал около 300 учеников и получил известность как основатель русской скрипичной школы. После Октябрьской революции музыкант эмигрировал в США⁹.

Помимо специалистов, Россия привлекала студентов славянского происхождения из Венгрии. В российских вузах в XIX в. получили образование десятки словаков, карпатских русинов, венгерских сербов и хорватов. Большинство из них после получения образования оставались в России.

Необычную карьеру сделал один из таких студентов – словак Владимир Кривош (1865–1942). В 1886 г. он поступил на факультет восточных языков Петербургского университета, а после завершения обучения стал служить в Главном управлении почт и телеграфов в должности цензора иностранной корреспонденции. В. Кривош был замечательным полиглотом (знал более 20 языков) и специалистом в области криптографии. Он много и успешно работал над расшифровкой различных документов по заданиям министерства иностранных дел, адмиралтейства и департамента полиции. Так, в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. В. Кривошу удалось расшифровать японские дипломатические коды. Словацкий полиглот также активно изучал стенографию, преподавал ее в различных петербургских вузах и разработал соответствующие учебники. С 1906 по 1913 гг. В. Кривош руководил стенографическим бюро при Государственной думе и Государственном совете. После начала Первой мировой войны он стал работать в качестве переводчика в штабе 8-й армии, однако в апреле 1915 г. был обвинен в шпионаже, и, несмотря на то, что обвинения не подтвердились, «в административном порядке» был сослан в Иркутск. После Февральской революции В. Кривош вернулся из ссылки и в конце 1917 г. поступил на службу в советский наркомат иностранных дел, а затем служил в качестве переводчика и шифровальщика в военной разведке и ВЧК. После окончания Гражданской войны он неоднократно арестовывался, и в 1923–1928 гг. являлся заключенным печально известного «Соловецкого лагеря особого на-

значения». После освобождения В. Кривош работал переводчиком и преподавателем иностранных языков¹⁰.

С 30-х годов XIX в. Россию стали посещать торговцы из Венгрии, преимущественно словаки и русины, которые занимались, в основном, разносной торговлей. Странствуя по российским городам и весям, торговцы продавали металлические изделия, керамику, галантерею, ювелирные товары, специи, растительное масло, пивок и т.д. География их «деятельности» была очень широкой и охватывала большинство губерний Европейской России. Уже в 1830-е годы торговцы из Венгрии были отмечены в западных и центральных губерниях страны и проникали даже в северную Олонецкую губернию. Позднее они освоили Поволжье и Кавказ. Так, в течение 1860 г. Ставрополь посетило около 30 торговцев-словаков, которые направлялись в Тифлис, Кутаис, Эривань, Дербент и другие кавказские города¹¹.

Часть венгерских торговцев оставалась в России на постоянное жительство, некоторые из них открывали собственные фирмы. Так, в 1878 г. словаки братья Юрай, Игнац и Йозеф Осаги основали в Варшаве торговый дом, который поставлял на российский рынок товары западноевропейского производства: текстиль, галантерею, резиновые и стальные изделия и т.д. Агенты этой фирмы, бывшие в основном словаками (их насчитывалось до 200 человек), распространяли эти товары в различных российских регионах – вплоть до Дальнего Востока. Расцвет торгового дома в начале XX в. был связан с деятельностью нового главы фирмы Яна Осага, который считался крупнейшим словацким предпринимателем России. В августе 1914 г. он стал членом Совета чехов и словаков России и в качестве представителя словаков участвовал во встрече его лидеров с Николаем II¹².

В середине XIX в. в России появились странствующие словацкие ремесленники (дротари), чинившие посуду и изготавливавшие на продажу различные изделия из жести и проволоки. Они нашли в нашей стране обширный рынок сбыта, отсутствие конкуренции и благожелательное отношение местного населения. Словацкие дротари работали во многих российских губерниях, часть из них осела в российских городах. По подсчетам современных словацких историков, всего в России возникло около 80 дротарских мастерских – в Москве, Петербурге, Киеве, Одессе, Туле, Самаре, Ростове-на-Дону, Баку, Тифлисе, Екатеринбурге, Омске, Иркутске и других городах. Некоторые из них со временем превратились в крупные предприятия. Так, мастерская, основанная в 1868 г. в Москве дротарями Яном Гунчиком и Йозефом Крутошиком и перешедшая впоследствии к их сыновьям Штефану Гунчику и Имриху Крутошику, в начале XX в. представляла собой фабрику с 400 рабочими. В дротарских мастерских были заняты преимущественно

словацкие рабочие. Например, в мастерской Йозефа Белона в Тифлисе в начале XX в. работало 28 словаков¹³.

В Россию из Венгрии переселялись также агрономы, инженеры, техники и представители других профессий. Так, в 1836 г. в Грузию переселился венгерский подданный Бартоломей Иерль – специалист в области виноделия, внедрявший венгерские традиции в этой сфере¹⁴.

В конце XIX в. бродячих венгерских ремесленников и торговцев сменили предприниматели, действовавшие на постоянной основе. Они открывали в различных городах фабрики, мастерские, торговые дома, магазины и т.д. Крупнейшим центром венгерского предпринимательства в России стала Москва.

В 1880 г. в Москву из Будапешта переселился инженер Бела фон Вангель, который занялся новым перспективным делом – бурением артезианских скважин. В 1893 г. он организовал «Московское товарищество повсеместного артезианского водоснабжения, орошения и осушки Б.И. фон Вангель», которое занималось «устройством артезианских колодцев, буровых скважин и водопроводов и снабжением их трубами и прочими принадлежностями». Основной капитал товарищества составил солидную по тем временам сумму в 360 тыс. руб. Только за три первых года своей деятельности компания пробурила 438 артезианских скважин, из них 174 – в Москве, и построила водопровод в г. Аккермане Бессарабской губернии. На Всероссийской промышленной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде Б. фон Вангель был награжден серебряной медалью. Активы его компании в первые годы XX в. составили 700 тыс. руб., годовая стоимость производства доходила до 100 тыс. руб. Сама компания успешно действовала вплоть до Первой мировой войны. Помимо нее, Б. фон Вангелю принадлежала в Москве деревообрабатывающая фабрика, открытая в 1897 г.¹⁵

Накануне Первой мировой войны венгерские подданные владели в Москве целым рядом небольших предприятий – мастерских, магазинов и торговых фирм. Различные мастерские содержали Степан Дочар (изготовление проволоки), Павел Дьявик («медно-паяльное заведение»), Алексей Генегар (фотоцинкография и художественная печать), Эмилия Сусик (пошив дамских нарядов) и Елена Фратер (изготовление корсетов). Адольф Боген владел магазином одежды на Театральном проспекте, Маргарита Шпира – магазином дамских шляп и нарядов на Большой Дмитровке. Учредителями торговых домов в Москве являлись Ян Рох (продажа типографского оборудования и красок), Людвиг Швейцер (торговля медицинскими товарами), Мария Эрдели и Степан Цаль (совладельцы торгового дома, поставлявшего на российский рынок автомобильные принадлежности и другие товары). Наконец, Эмиль Фодор содержал посредническую контору, представляв-

шую интересы австро-венгерских торговых фирм и Королевско-Венгерского коммерческого музея (который являлся не только просветительской, но и торговой организацией)¹⁶. Судя по фамилиям, предпринимательской деятельностью в Москве занимались представители разных народов Венгерского королевства – венгры, словаки, немцы, евреи. Примечательно, что треть довоенных венгерских бизнесменов в Москве составляли женщины. Такое масштабное представительство «слабого пола» в то время было редкостью.

В довоенном Петербурге работали жестяные мастерские словаков Иосифа Дьявика, Якова Мадая, братьев Иосифа, Юрия и Фабиана Милуцких (Милучков), а венгр Михаил Гонвери осуществлял сделки с ценными бумагами на Петербургской фондовой бирже. Торговлю в Ростове-на-Дону в это время вели венгерские подданные Виктор Фаркаш (глава отделения фирмы «Гольдштюк, Гайнце и К°», занимавшейся экспортом зерна), Амброш Штернталь (представитель Королевско-Венгерского коммерческого музея), Франц Шебештъен (представитель одноименной будапештской фирмы) и Александр Надь (служащий торговой фирмы)¹⁷.

Во второй половине XIX в. в нашу страну стали переселяться в поисках лучшей доли крестьяне и сельскохозяйственные рабочие из Венгрии, преимущественно русины и румыны. В чешских колониях, возникших на Черноморском побережье Кавказа, поселились отдельные словацкие семьи¹⁸.

Была сделана попытка организовать в России колонии карпатских русинов по примеру чешских колоний, но она не имела успеха. В частности, в 1891 г. русин Константин Турков, арендатор поместья Чертеж в Венгрии, обратился к графу С.А. Шереметьеву, главноначальствующему гражданской частью на Кавказе, с предложением организовать в Сухумском округе колонию карпатских русинов. К. Турков писал о том, что «наши люди сейчас толпами выселяются в Америку и там зарабатывают много денег», однако приобрести землю и заниматься привычным крестьянским трудом там не могут. Поэтому, если российские власти предоставят русинам землю на Кавказе, то туда направится поток переселенцев не только из Венгрии, но и из США. Предложение К. Туркова было рассмотрено в управлении кавказского наместника и в министерстве государственных имуществ, после чего он получил ответ об отсутствии «свободных земель для поселения» на Черноморском побережье Кавказа (в действительности, тамошние земли были целыми массивами розданы крупным чиновникам и членам царской семьи и заселялись арендаторами – турецкими армянами и греками)¹⁹.

Приезжавшие из Венгрии крестьяне, главным образом русины и румыны, становились сельскохозяйственными рабочими. С конца XIX в. тысячи таких рабочих ежегодно прибывали в южные и юго-западные губернии

России, а также на Северный Кавказ (трансильванские румыны работали там чабанами). Помимо сельхозработ, рабочие из Венгрии были заняты на лесопильных и сахарных заводах, на строительстве железных и шоссежных дорог. Венгерские рабочие приезжали в Россию как для сезонной работы, так и на постоянное жительство. Всего в России, по данным переписи 1897 г., трудилось 26 тыс. сельскохозяйственных и промышленных рабочих, бывших уроженцами Австро-Венгрии (в том числе 6 тыс. женщин)²⁰.

Особенно заметный рост числа переселенцев из венгерских земель в Россию наблюдался в конце XIX – начале XX вв. Так, по данным городских переписей г. Москвы, количество проживавших там венгров в 1871 г. составило 20 человек, в 1897 г. оно возросло до 96, а в 1902 г. – до 182. В Петербурге в 1881 г. проживало 67 венгров, а в 1897 г. – уже 114²¹.

По данным Первой Всероссийской переписи 1897 г., в России проживало 122 тыс. австро-венгерских подданных. Статистика не показывала, сколько из них прибыло из венгерской половины Габсбургской монархии, приводились лишь данные по отдельным народам. Собственно венгров в нашей стране проживало немного – 961 человек (551 мужчина (57%) и 410 женщин (43%)). Две трети из них (452 мужчины и 202 женщины) вели самостоятельное хозяйство, остальные являлись членами семей (99 мужчин и 208 женщин). Таким образом, венгерская иммиграция имела трудовой характер, и большинство переселенцев приезжало в Россию без семей. Некоторые из них вступали в брак с российскими подданными.

Венгерское население в 1897 г. присутствовало во всех частях Российской империи: 651 человек проживал в Европейской России, 173 – в Царстве Польском, 80 – на Кавказе, 49 – в Сибири, 8 – в Средней Азии. Среди регионов по количеству венгерского населения выделялись следующие губернии: Санкт-Петербургская (119 человек), Московская (98), Варшавская (96), Херсонская (76), Лифляндская (56), Тобольская (46), Петроковская (45), Бессарабская (42), а также Кубанская область (63). Венгры, в отличие от австро-венгерских славян, проживали в России преимущественно в городах (горожан среди венгров было 699 человек, или 73%).

Занятия венгров в России были разнообразными. В промышленном и ремесленном производстве участвовали 243 венгра из числа самостоятельных хозяев (37%). Половина из них (125 человек) была занята обработкой металлов, 28 человек – обработкой животных продуктов, 20 – строительством и ремонтом, 17 – изготовлением одежды, 12 – керамическим производством, 10 – изготовлением продуктов питания и т.д. Примечательно, что в промышленном секторе было занято всего 14 венгерских женщин, и почти все – в швейном производстве. Сельским и лесным хозяйством был занят 41 венгр (6%), торговлей – 100 (15%). В число торговцев были вклю-

чены 23 человека, содержавших трактиры, гостиницы и другие подобные заведения, из них половина была женщинами.

В непроизводственной сфере было занято 230 самостоятельных хозяев венгерской национальности (35%), из них две трети составляли женщины. Службой у частных лиц было занято 59 человек (в том числе 38 женщин), на доходы от капитала, недвижимости и на средства родственников жили 36 человек (в том числе 24 женщины), на средства, получаемые от казны и общественных организаций – 18 (12 женщин). 56 венгров (в том числе 48 женщин) занимались искусством, литературой и наукой. В народном образовании было занято 8 человек (7 женщин), врачебном и санитарном деле – 5 (2 женщины), 7 венгров служили в администрации, суде и полиции, 8 – в российской армии, 4 – в кредитных учреждениях, один являлся священником. Кроме того, 28 венгров занимались проституцией, которая считалась официальным занятием в дореволюционной России.

Остальные венгры относились к категориям «лиц неопределенных занятий» и «не указавших занятия» (всего 7% от числа самостоятельных хозяев). Сюда же были включены 3 венгра, отбывавших наказание в виде лишения свободы. Таким образом, венгры в Российской империи не специализировались в одной профессиональной области, а предпочитали осваивать различные ниши²².

Многие переселенцы из Венгрии, прожив в России пять и более лет, в соответствии с законом подавали прошения о принятии российского подданства, что свидетельствовало об их успешной адаптации. Процесс смены подданства ускорился после начала Первой мировой войны, когда права «подданных враждебных держав» в России стали всячески ограничиваться. По данным министерства внутренних дел, накануне и в годы Первой мировой войны (в 1911-1917 гг.) ходатайства о переходе из австро-венгерского в российское подданство подали 13 венгров (в том числе 2 – с семьей), 643 русина (208 – с семьей), 415 румын (59 – с семьей), 188 словаков (55 – с семьей), 80 сербов (18 – с семьей), 24 хорвата (5 – с семьей)²³.

Принятие российского подданства в военные годы было облегчено для зарубежных славян и румын, венграм же и немцам здесь чинились препоны. Власти рассматривали их как «врагов», следствием этого стали высылание военнообязанных австро-венгерских и германских подданных неславянского происхождения в отдаленные восточные и северные губернии, ликвидация их земельных владений, закрытие принадлежавших им торговых и промышленных предприятий.

После тяжелых испытаний Первой мировой и Гражданской войн часть венгерских переселенцев вернулась на свою историческую родину, остальные остались в России, прочно связав с ней свою судьбу. Таким образом,

эмигранты из Венгрии стали частью многонационального российского социума и смогли оставить свой след в истории нашей страны.

Примечания

- ¹ *Оболенский (Осинский) В.В.* Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928. С. 108.
- ² *Мольнар Л.* Венгры и русские в зеркале истории контактов (Уроки культурных контактов XVIII века) // Двенадцать столетий венгерско-русских отношений. Будапешт, 2005. С. 45-46.
- ³ Там же. С. 46-47.
- ⁴ *Тебиев Б.К.* Первый ректор Петербургского университета // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 139-145.
- ⁵ *Павлюченко О.В.* Югославяне в общественной, научной и культурной жизни украинского народа (первая половина XIX в.) // Культурные и общественные связи Украины со странами Европы. Киев, 1990. С. 96-97, 102.
- ⁶ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40-80-е гг. XIX в. М., 1975. С. 60, 554.
- ⁷ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 169. Д. 230.
- ⁸ *Грабарь И.Э.* Моя жизнь: Автобиография. Этюды о художниках. М., 2001. С. 18.
- ⁹ См.: *Ауэр Л.С.* Моя долгая жизнь в музыке. СПб., 2003.
- ¹⁰ См.: *Зданович А.А., Измозик В.С.* Сорок лет на секретной службе. Жизнь и приключения Владимира Кривоша. М., 2007.
- ¹¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 203; Оп. 7. Д. 457; Государственный архив Ставропольского края. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3940.
- ¹² *Голец Р.* Словацкие предприниматели в России накануне Первой мировой войны // Мифы-стереотипы-образы. Восприятие Словакии в России. Братислава–Йошкар-Ола, 2010. С. 31-32.
- ¹³ *Ferko V.* Svetom, moje, svetom (Slovenskí drotári doma i vo svete). Bratislava, 1985. S. 102-107.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 398. Оп. 81. Д. 15183.
- ¹⁵ Альбом участников Всероссийской промышленной выставки в Нижнем Новгороде в 1896 г. Ч. 2. СПб., 1896. С. 4; Указатель действующих в империи акционерных предприятий. СПб., 1903. С. 1334-1335.
- ¹⁶ См.: Германские и австрийские фирмы в Москве на 1914 г. М., 1914.
- ¹⁷ Весь Петербург на 1913 год. СПб., 1913. С. 205, 385, 414; Отчет Австро-Венгерского вспомогательного общества в Ростове-на-Дону за 1911 г. Александровск, 1911. С. 18-24.
- ¹⁸ *Пукиш В.С.* Чехи Северного Кавказа. Годы и судьбы: 1868-2010. Ростов-на-Дону, 2010. С. 293.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 381. Оп. 28. Д. 17699.
- ²⁰ Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г. СПб., 1905. С. 34.

²¹ Статистические сведения о жителях Москвы по переписи 12 декабря 1871 года. М., 1874. С. 59; Перепись Москвы 1902 г. Ч. 1. М., 1902. С. 224; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1881 г. Т.1. Ч. 1. СПб., 1883. С.243; Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. Т. II. СПб., 1905. С. 29.

²² Общий свод по империи... Т. II. С. 29, 47, 343.

²³ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1284. Оп. 243. Ч. 2. Д. 7631-7648.